

ПОИСКИ АБСОЛЮТА

Беседа с Мирче Элиаде

Откуда на нашем научном и промышленном Западе это удивительное увлечение йогой, дзен-буддизмом, алхимией, древними мифами? Один человек много размышлял над возрождением искателей философского камня. Его имя - Мирче Элиаде. Его профессия - историк религии, но также романист, поэт, философ, востоковед, этнограф. Прославленный за границей, во Франции он остается малоизвестным. Однако именно по-французски этот румын, родившийся в 1907 году, чье духовное развитие началось в Индии и который уже 20 лет является профессором Чикагского университета, написал большую часть своих книг. Один из его важнейших трудов "История вероисповеданий и религиозных идей". Ниже приводится интервью с Элиаде.

- Господин Элиаде, Вы специалист по мифологии, по сравнительной истории религий и Вы написали несколько романов. Один из них принес Вам известность, когда Вам было всего 26 лет.

- Да, это было в 1932 году. Я возвращался в Бухарест, проведя несколько лет в Индии для изучения философии йогов. Я был ассистентом в университете, но также и писателем, и получил первый приз на литературном конкурсе. Моя книга называлась "Майтрейи". Это был роман об экзотической любви, в дальнейшем он был переведен на французский язык под названием "Бенгальская ночь". Он пользовался огромным успехом, что удивило и меня и редактора. В 26 лет я заслужил известность: румынские журналы писали обо мне, меня узнавали на улицах и т.д. Было очень легко блистать в провинциальном культурном мире, где все более или менее известны, не то, что в Париже или Нью-Йорке. Но это было очень важным для меня, так как я узнал, будучи совсем молодым, что это значит, когда тобой восхищаются.

- Это был Ваш первый литературный опыт?

- Не совсем. В 14-15 лет я писал заметки о путешествиях, рассказы о приключениях в картинках. Кроме того, одну автобиографическую книгу: "Роман о близоруким юноше". Я уже тогда был очень близорук и у меня был этот комплекс. Я считал себя некрасивым и думал, что никогда не буду любим. После этого первого романа я не писал ничего, кроме статей о насекомых и, когда я был в шестом классе, короткое эссе под названием "Как я обнаружил философский

камень".

- В то время Вы ведь были лицеистом. Когда Вы находили время писать?

- Я писал ночью. У меня была разработана техника сокращения часов сна: каждый вечер я их уменьшал на 5 минут. Когда мне удалось выиграть час - переходя, например, с 6-часового на 5-часовой сон, я поддерживал этот режим в течение месяца, затем снова сокращал. Однако, когда я перешел с четырех с половиной часов на 4 часа 25 минут, и затем на 4.20, сна мне стало недостаточно и начались головокружения. Я вынужден был остановиться. Я был огорчен, так как чувствовал, что мне предстоит прочесть много книг и выучить много иностранных языков.

Но в то же время я был дурным учеником, который интересовался историей в то время, как нужно было изучать математику, и приступал к санскриту, когда нужно было заниматься латинской грамматикой. Я восставал против суровой системы лицея. У меня была явная аллергия на школьные учебники, и деньги, которые отец давал на их приобретение, служили мне для покупки настоящих книг, т.е. тех, которые не были рекомендованы профессорами. Это не замечалось около пяти лет.

- Что Вы покупали? Романы?

- Нет, не только. Я страстно увлекался науками: энтомологией, ботаникой, химией, и уже тогда корнями химии - алхимией. Меня захватывало единство материи. И когда меня учили на занятиях, что мечтой алхимиков было превращение материи в золото, мне было интересно увидеть, как и почему. И очень скоро я понял мифическое значение превращения: алхимия, традиционная наука, занималась превращениями не только материи, но и души. Алхимик, который пытался произвести золото, преобразовывал и себя в этом поиске, равно как и золото в алхимии не просто металл, но и символ совершенства, свободы, бессмертия. Это ясно прослеживается в текстах алхимиков. Мы весьма далеки от объективности, принимая тот смысл, который придает этому термину современная наука. Например, в китайской алхимии, которая очень важна, ученый тоже пытался получить золото, но прежде всего его интересовало не это. Он искал эликсир долгой жизни, подобно йогу, который тренирует, стараясь подчинить себе не только тело, но и дух.

- Юноша, который изучает химию и окольными путями пробирается в алхимию, - что же в нем происходит?

- Меня восхищало господство над временем, поскольку алхимик, превращая свою руду в месяцы и дни, бросает вызов природе и способен ускорить время.

В ранней алхимии руда считалась эмбрионом, содержащимся в чреве матери-земли. Люди думали, что нужно от двух до трех тысяч лет, чтобы руда, например, железо - превратилась в золото. И, следовательно, алхимик, изменяя произведение природы, воздействовал на время.

Но, с другой стороны, последствия этого ужасны, ибо с XIX века, с зарождением органической химии и биологии, человек становится хозяином времени. Он несет на себе огромную ответственность и бремя. Все ремесла, все знания, все деятельности некогда имели священный аспект. Когда же алхимия превратилась в химию, это было утеряно. Сегодня в лаборатории работают также, как на заводе. Надисторический и трансцендентальный смысл исчез. Современная наука заботится только о знании, о власти над материей. Это новое и серьезное явление.

- Алхимики, однако, были и остаются великими предшественниками современной науки.

- Да, конечно. Они работали с минералами, с растениями, именно они подготовили приход современных наук. Из алхимии возникла не только химия, но и ботаника, и медицина. Существует определенная преемственность. Однако полностью изменилось всеобщее отношение, характеризующее древний период культур. Все, что некогда делалось - земледелие, минералогия, металлургия, медицина - имело своей моделью создание мира, космогонию. Всегда ставился вопрос - как Бытие стало Бытием, как возник мир. И не только в теории, но и в практическом применении.

Например, на Тибете, когда кто-нибудь болен, лама, который приходит его лечить, начинает с того, что рассказывает космогонический миф. Затем миф о возникновении этой болезни. Затем миф о первом шамане, который излечил эту болезнь. Пациент отброшен в начало времен, до созидания; он вновь символически производит все этапы создания. И если он оправляется от болезни, он излечился потому, что великий врачеватель сумел в прямом смысле слова унести болезнь.

Древний человек ранних культур не верил в свою способность чинить вещи. Он не осмеливался их чинить, потому что у него не было м о д е л и - ибо исправление сложная и, возможно, опасная

вещь. Он не уверен в своих действиях, за исключением тех случаев, когда он символически воссоздает мир. Алхимия же, будучи воздействием на материю, знаменует переход из одной системы в другую .

- Существуют ли сегодня алхимики?

- Да, несколько человек. Я знаком с двумя современными алхимиками, немцем фон Бернусом, который практикует алхимию в качестве терапии, и во Франции с Эженом Канселье.

- Как Вы объясняете интерес общества к алхимии?

- Еще 25 лет тому назад алхимию считали протохимией, элементарной, зачаточной химией. Это точка зрения историков науки. Сейчас из-за возрождающегося интереса к мифам и символам, благодаря переводам некоторых алхимических текстов, ставших, наконец, доступными, мы стали смотреть на вещи несколько иначе. Увлеченность алхимией в Америке, Англии, во Франции и в Германии зиждется на ее воображаемой фантастической власти. По мере того как мы читаем алхимические тексты или рассматриваем иллюстрации к ним, столь сильно действующие на воображение, мы завораживаемся ими, даже не все до конца понимая. Именно эта потрясающая сила очарования объясняет, как мне кажется, успех алхимии. Башляр был прав, говоря, что ночная жизнь разума имеет первостепенное значение по сравнению с жизнью дневной, представленной знаниями. Ночной режим разума - это, возможно, самое знаменательное в алхимии.

- Не объясняется ли интерес к мифам и символам понижением духовности в современной цивилизации? И, соответственно, потребностью человека в духовном?

- Ни для кого не секрет, что мы переживаем духовный кризис западного мира: десакрализацию космоса, Церкви, человеческих отношений. Это создает вакуум, который каждый старается заполнить: практикой йоги, дзен-буддизмом, алхимией, но никогда - возвращением к истокам собственной религии. Это очень странное явление.

Раньше существовал священник или раввин, который давал ответы на вопросы, указывал на тексты, которые нужно прочесть. Сейчас же, наоборот, христианин или еврей чаще всего полностью изолирован от собственной традиции и не делает никаких попыток приблизиться к ней и понять ее. Однако я полагаю также, что к себе возвращаются самым длинным путем. Огромная тяга жителей Запада

к йоге, дзен-буддизму, алхимии выражает новую свободу для каждого искать свой голос в огромном разнообразии верований, изобретенных человечеством. И именно таким окольным путем, на мой взгляд, мы вернемся рано или поздно к нашим духовным и религиозным истокам.

- Вы сами в молодости провели несколько лет в Индии. Стали бы Вы тем, что Вы есть, если бы не жили в свое время на Востоке?

- Действительно, я сам пошел по этому окольному пути. Когда я уехал в Индию, мне был 21 год. Я тогда очень интересовался философией. Кроме того, это было огромным приключением - поехать на Восток. Я выбрал Индию по двум причинам: индийская мысль и крестьянская культура, оставшаяся там нетронутой.

Именно мой индийский опыт заставил меня понять поведение румынского или греческого крестьянина, когда он опускается на колени перед иконой и крестится. До моей поездки в Индию я был несколько смущен подобным жестом как проявлением фетишизма и полагал, что истинная религия - это прежде всего созерцание и размышление /как думает каждый христианин, считающий себя развитым./ Но когда я увидел необычайную важность символики для индийского народа, я понял, насколько я раньше недооценивал значение символа и образа.

- Что Вас там больше всего поразило?

- Поклонение женщин, известных своим целомудрием, богу Шиве, которого символизирует мужской половой орган. С первого же взгляда можно узнать, что это фаллос, ошибиться трудно. Но кроме того - это символ бога, очевидное выражение его плодovitости в качестве создателя мира. И вот эти женщины были способны делать строгое различие между предметом и символом, как если бы предмет был внезапно устранен! Это было очень впечатляюще. Это дало мне понять, по аналогии, как европейские крестьяне видят, например, изображение Мадонны с младенцем. И здесь, выходит, мать в собственном смысле слова - совсем другое. Эти мои индийские впечатления убедили меня в силе символа и его способности перемещаться с одного объекта на другой.

- Вы только что бегло сравнили алхимию с йогой...

- Йог работает над собственной физиологией, например, над своим дыханием, он стремится к сохранению "устойчивого и приятного" положения, как выражается Патанжали. Своим аскетизмом он

достигает изощренности тела, в точности как алхимик, который "пытает" металлы /это употребляемое выражение/ и очищает их в своей лаборатории. В обоих случаях они приходят к полной независимости духа, ибо последний уже не обуславливается ни психофизиологией, ни внешним материальным миром. В каждом случае речь идет о выходе за пределы времени, причем эти два пути совершенно параллельны.

- Не увлечены ли Вы сами этой же проблемой по-настоящему? Писатель, эрудит, философ в Вас самих не ищет ли выхода за пределы времени?

- Да, и без сомнения, это происходит потому, что над всем моим поколением от марксистов до Сартра, властвовало открытие Истории и историчности. Все это в пределах того, что человек - это существо, которое живет в историческом, необратимом времени. Но я лично протестую против подобного ограничения, не потому, что я боюсь истории, а потому, что человек живет также и в неисторическом времени: времени мечты, воображения и т.д.

Я не понимаю, почему, в частности, исключают космическое время, которое не необратимо, а циклично и столь важно для человеческого рода, также составляющего часть космоса, о чем обычно забывают. Я просто хочу сказать: нельзя делать абстракцией то, что каждый переживает и знает: циклическую смену дня и ночи; смену времен года. Это та космология, с которой человек непосредственно имеет дело, и в которой время циклично. В результате этого происходит не уход за пределы Истории, но открытие прекрасной и осязаемой трансцендентности, которая делает возможной связь с природой, с животными, с растениями.

- Видите ли Вы в раскрытии космоса равным образом и раскрытие всего?

- Да, это так! Ибо раскрытие космоса - это и есть проникновение в глубинное значение всякой вещи. Весна, например, это не только пробуждение растительного мира. Любой человек ощущает своим телом, что весной происходит нечто большее: обновление, возрождение всего. Также обстоит со священным деревом в некоторых первобытных религиях. Священный характер дерева исходит не из наивности некоторых несчастных туземцев, которые вынуждены поклоняться без всякого смысла, а из символического характера листьев, опадающих осенью и вырастающих весной. Священное дерево -

удивительное выражение тайно продолжающегося создания космоса.

Вот почему я охотно говорю о космической религии, в которой священное обнаруживается в явлениях, связывающих нас с космосом. А не только через человека - как в иудаизме и христианстве - связанного с Богом, хозяином Истории.

- В течение многих лет Вы изучали мифы. Что же такое миф?
И какова его функция в древних и современных обществах?

- Простейшим определением мифа может быть то, что рассказывает священную историю. Миф - священное повествование. Потому что персонажи этого повествования всегда сверхчеловеческие.

Например, космогонический миф - это история создания мира Богом или богами. Миф о происхождении растений или человека - это повествование, которое объясняет, как это растение или человек возникли. Аналогично - с происхождением смерти, или какого-то учреждения, или земледелия. Что-то происходит в мифическом времени - какое-то событие, и вслед за ним появляется смерть, какое-то учреждение или земледелие. Что касается мифа о происхождении смерти, здесь все ясно, особенно в африканской мифологии. Бог позволил людям долго жить, но люди совершили ошибку, и из-за этого человек смертен. Миф всегда описывает обстоятельства, при которых возникает определенное состояние,

- Да, но какова же конкретная функция мифа?

- Он имеет значение как образец или пример. Он является моделью, проходящей через историю. Один из наиболее характерных примеров - миф о происхождении кенгуру. В определенный момент какое-то сверхчеловеческое существо создало в Австралии кенгуру. Когда начинают охоту на кенгуру, австралийские племена повторяют в виде ритуала миф о его происхождении, и через несколько дней кенгуру приходит в нужное место. Очень возможно, что этот миф относится к эпохе палеолита.

То же самое - с земледелием. Если урожаю угрожает засуха, кто-нибудь рассказывает космогонический миф и затем миф о происхождении земледелия. Такова великая функция мифа в традиционных обществах, где миф является чем-то живым. Он лежит в основе культурной, общественной, религиозной жизни.

- По Вашим разнообразным примерам видно, что миф является также и своего рода процедурой, средством, способным обеспечить успешный результат дела.

- Именно так. Полинезийцы считаются лучшими мореплавателями в мире потому, что на своих примитивных челноках они покрывают тысячи километров. А ведь о происхождении этой исключительной эффективности существует миф, который рассказывается перед каждым отправлением в море. И это очень важно с экзистенциальной точки зрения. Представьте себе этих моряков во время бури. Если они повторяют все в точности, чему учит миф о происхождении мореплавания, они уверены, что ничто не сможет их настигнуть.

Легко представить, какие опасности их подстерегают; миф же дает им дополнительную возможность достигнуть успеха, причем возможность немалую. И если, несмотря ни на что, случается кораблекрушение, понять причину очень легко: они недостаточно точно соблюдали верность мифу, модели.

- Греческие мифы тоже нуждались в столь точном соблюдении? Имеют ли они ту же действенность?

- Сложность здесь заключается в том, что вся греческая олимпийская мифология заново составлялась поэтами и мифологами, которые по-своему истолковывали основополагающие сюжеты мифов. Все приключения Зевса, который соединяется не только с Герой, но и подвергается превращениям, чтобы соблазнять разных местных богинь, являются историями, выведенными из главного мифа о браке бога Неба с богиней Земли. Греческие мифы менее значительны, чем мифы примитивных религий, потому что они чересчур софистичны.

- А сейчас? Существуют ли великие мифы о нашем научном и промышленном обществе?

- Да, их по крайней мере два. Или, скорее, их было два, так как они либо мертвы, либо скоро умрут. Первый - это миф о бесконечном прогрессе, основанном на развитии науки и техники, миф, который поддерживался в течение всего позитивистского XIX века и который сильно пострадал во время ужасной катастрофы двух мировых войн. До 1914 года Запад верил во всемогущество техники в деле освобождения мира. Сейчас в это никто не верит. Все физики-атомщики пессимистически настроены. Они уже не осмеливаются верить в невозможность атомной войны. Они сомневаются, что человечество еще может себя спасти. Все же, когда обычному человеку говорят, что рано или поздно нефть кончится, он верит ученым, которые "что-нибудь придумают" взамен ее.

- Почему миф о бесконечном прогрессе не выжил в условиях

кризиса, вызванного сначала I-й, а затем II-й мировой войной?

- Мне кажется, потому что верили в возможность направить весь прогресс на развитие техники, и только. Создателями мифа были энциклопедисты XVIII века, затем - Огюст Конт и гениальные основоположники органической химии, осуществившие первые синтезы материи, например, жиров или масла. С этих потрясающих открытий началась вера в прогресс. Но, с другой стороны, никто из великих пророков прогресса не был мистиком: они не думали, что наука и техника должны помочь человеку стать лучше. Они быстро признали, что ни их вера, ни их оптимизм не способны изменить человеческую природу. Миф о бесконечности прогресса был чисто светским. Это объясняет, почему первый же великий исторический кризис разрушил его.

- А каков второй миф нашего общества?

- Коммунистическая идеология. Хорошо видно, что существовал мессианский миф в мыслях Маркса о классовой борьбе, интерпретированной как апокалиптическая борьба между Добром и Злом, затем победа сил Добра, в результате чего возникает бесклассовое общество, что-то вроде рая. В послереволюционный период рабочие, уверенные, что коммунизм переменит мир, работали на заводе до 18 часов в сутки. Там, где работа имела мессианское значение, оказывалось возможным гигантское физическое усилие, ибо подразумевалось, что большевистская революция спасет мир.

- А сейчас, не доказывает ли диссидентское движение в СССР, что марксистский миф отмирает?

- Да, без сомнения, он был разрушен Гулагом. В противоположность мифу о прогрессе, марксистский миф обладает всеми религиозными характеристиками, поскольку он признает - или признавал - глобальное значение человеческой жизни, оправдывает - или оправдывал - мир и Историю.

- Предшествует ли миф религии? Может ли он родиться или сохраняться без религии или вне религии?

- Конечно, нет! И марксистское видение мира, возможно, более "возвышенное", чем религиозное... Однако духовные ценности непосредственно связаны с определенными историческими событиями огромного масштаба и они не мыслимы без этих событий или до них. Я приведу всего один пример, хотя и весьма важный, который связан

с возникновением земледелия.

Возраст человека - около 2 млн. лет, в то время как земледелие появилось 15 или 16 тыс. лет назад! В течение этих двух миллионов лет мужчина был охотником, а женщина занималась сбором плодов и зерна. Охотник знал только два времени года, зиму и лето, во время которых дикие звери оставляют следы. Он не интересовался ничем, кроме дичи, которую ему предоставлял покровитель - хозяин хищников, бывший одновременно и его собственным покровителем. Ему важно было сохранить скелет убитого животного, так как охотники думали, что хозяин хищников всегда как бы восстанавливает животных. Плодородие посевов и удобрение почвы, открытые земледелием, все изменили. Не только кочевое существование сменилось оседлым с созданием селений, но изменились и религиозные верования. Именно появление земледелия датирует символическое уподобление земли женщине-матери, которая оплодотворяется богом Неба, а плодородия почвы - результату этого сочетания. Женщина обладала тогда огромным религиозным и общественным значением и, кажется, на ранних этапах земледелия собственность на землю принадлежала ей. Устанавливался цикл: плодородие животных - плодородие растений, дождь - луна, бог Неба - богиня Земли, смерть - возрождение. Семя, которое каждую весну дает жизнь новому растению, явилось огромным открытием для человека. Отсюда родилась вера, что космическое вращение повторяется в человеческом роду. Подобная концепция невозможна до неолита. Все великие религии человечества развивают эти неолитические открытия. Религиозные и духовные последствия появления земледелия очень велики.

- Это справедливо для аграрных обществ, но возможен ли в нашем сегодняшнем обществе этот вид верования или религии?

- Аграрные религии существовали очень долго. Затем они были включены в урбанистические культуры, где город символизировал образ и центр мира - до конца Средних веков. Ныне же огромной актуальной проблемой стала полная десакрализация не только человеческого общества, но и космоса. Ничего подобного никогда не было в истории.

- Считаете ли Вы эту десакрализацию необратимой?

- О, нет! Я, как вы знаете, много лет преподаю в Соединенных Штатах, и у меня была возможность наблюдать вблизи движение хиппи и его воздействие на моих студентов. И у хиппи как раз ясно

видно, как вновь открывается нечто, считавшееся утраченным еще со времени пророков - космическая религиозность! И одновременно - знамение жизни как священного явления, в котором некоторые вещи гораздо более ценны, нежели это казалось их родителям, на их взгляд-представителям истеблишмента. Их повышенное внимание к обнаженности и сексуальности носит ритуальный, а не физиологический характер. Они открывают в любви не только оргиастическое наслаждение, но и освобождение от комплексов неполноценности и вины. Подобным же образом музыка, нищета, спокойствие обладают для них духовной ценностью. Они вновь открывают природу в качестве проявления священного.

- Да, но движение хиппи идет на спад. Нет ли у Вас подобного ощущения?

- Это не совсем так. Те, кто прошли через это движение, сейчас на десять лет старше. Они отправились в библиотеки, где прочли религиозные тексты, которыми пренебрегали до этого. Они пошли в начальные школы, где открыли для себя творческую непосредственность ребенка. Некоторые вещи в них устоялись и усилились, тогда как поначалу они были скорее просто спорщиками. Факт появления голым на улице или свободная любовь воспринимались ими как отличный способ досадить родителям или профессорам.

- Значит, Вы верите в способность человеческого и духовного обновления этих маленьких групп!

- Не хочу забежать вперед, но тем не менее, я в это глубоко верю. В Европе, например, не знают о том, как движение за гражданские права в США заставило молодежь, вовлеченную в нее по этическим и политическим соображениям, по-новому оценить религию. Общая жизнь, марши, песни, возникшие трудности преобразили их. С общественного они перешли на религиозное. Это невозможно было предвидеть вначале.

- Вы хотите сказать, что в определенных движениях, которые сейчас считаются политическими, уже происходит религиозное обновление и они выходят за рамки политики?

- Снова ничего не собираюсь предсказывать, могу лишь сказать, что я ни на минуту не сомневаюсь в этом. Ведь христианство тоже сначала воспринималось не как религия, а как атеизм, и это было нормально, поскольку христиане отказывались приносить жертвы римским богам. Не нужно пытаться отождествлять религиозные структуры в момент их зарождения с тем, чем они становятся потом. Иу-

даизм, христианство, буддизм, ислам в течение жизни нескольких поколений были чем-то весьма малозначительным. Возможно, что сейчас происходит нечто подобное. Но оно не обязательно происходит в традиционном иудаистско-христианском смысле, не в уже известной форме.

- В какой же тогда форме?

- Как мне кажется, новым здесь является то, что мы отныне "обречены" на культуру. Я хочу сказать, что устные традиции, на которых держались раньше древние цивилизации, исчезли, или почти исчезли. Даже оккультные традиции мы можем узнать только через книги. Мы похожи на эрудитов эллинистического мира, клонящегося к упадку. Известно, например, что громадные трактаты *Corpus Hermeticum*, составленные между III веком до н.э. и II веком н.э., слыли содержащими секрет высшего знания и эзотерической науки. Обыкновенный человек считал чтение, обдумывание и понимание этих текстов равным некому "посвящению". Этот новый тип "посвящения", индивидуальный и чисто духовный, стал возможен в результате внимательного ~~внимательного~~ изучения и углубления в эзотерический текст; он развился в эпоху Римской империи и, в особенности, после победы христианства. Это было следствием, с одной стороны, огромного престижа, которым пользовались "священные книги", считавшиеся божественными по происхождению, а с другой - исчезновением Мистерий в VI в. н.э. и упадком других тайных религиозных организаций.

В перспективе, эта новая модель посвящения, передача эзотерических доктрин не подразумевает "цепи посвящений"; священный текст может быть забыт в течение веков, достаточно, чтобы он был вновь открыт компетентным читателем и чтобы его содержание вновь сделалось понятным и актуальным. Именно это и произошло с *Corpus Hermeticum*, заново открытым и переведенным на латынь в XV веке Марсилье Фичино. Подобное явление очень распространено и сейчас. Мы знаем практически все священные тексты всех религий, они все в нашем распоряжении. Такой ситуации еще не бывало за всю историю человечества.

- Вы хотите сказать, что мы обречены на эрудицию. Как подслеповатый библиотекарь у Ницше, со своей огромной библиотекой...

- Да, но здесь следует уточнить. Библиотекарь у Ницше - это современный человек, доведенный, согласно немецкому философу, до невозможности заниматься ничем, кроме комментирования. Тогда как мне кажется, я способен на творческую герменевтику. Ибо только изучив эти горы текстов, можно - или будет можно - создавать новые ценности.

- Вы не боитесь, что эти тексты уничтожат друг друга и сделают невозможным возвращение религии?

- Вовсе нет, ведь герменевтические занятия состоят в расшифровке значения того, что мы называем религией. Я думаю, что деятельность историка религии превосходит значение собственно эрудитских занятий; то же самое можно сказать об истории искусства, права или языка, поскольку мы сейчас занимаем те духовные позиции, которые завоевывались с эпохи палеолита до наших дней. Все жизненные ситуации, все кризисы, все надежды и все отчаяния человечества отражены в религии. На различных стадиях человеческой истории она является душой человека, которую мы призваны раскрыть и изучить. С этой точки зрения, я считаю, история религии является привилегированной областью, которая обладает большим значением, чем все остальные исторические дисциплины.

- Чем же, в сущности, является герменевтика?

- Герменевтика - это поиск смысла, значения или значений, которые эта идея или этот религиозный феномен приобретает во времени. Речь идет о всеобщей герменевтике, поскольку она призвана расшифровать и объяснить все встречи человека со священным, от предистории до наших дней. По самой своей природе религиозные феномены - это такие явления, над которыми нужно размышлять и размышлять творчески, как это делали Монтескье, Гердер, Гегель, когда они размышляли над человеческими институтами и их историей.

- Вот почему Вы говорите о "творческой герменевтике"...

- Да, да! Ибо настоящая герменевтика изменяет человека, ведь она не просто какая-то инструкция, она является также духовным орудием, способным изменить само качество жизни. Хорошая книга по истории религии должна пробуждать читателя. Представляя и анализируя мифы и ритуалы австралийцев, африканцев или жителей Океании, комментируя гимны Заратустры, даосские тексты или мифологию и технику шаманизма, историк религии раскрывает неизвестные или трудно представимые жизненные ситуации для современного читателя. И эта встреча с миром "чужой" духовности не может остаться

без последствий. Вспомните, например, встречу XX века со скульптурой и масками Африки. Ведь это не просто культурное открытие, а творческая встреча.

- Но возвратимся к мифу. Что это - фикция или реальность?

- Миф является реальностью для членов традиционных обществ, где он еще жив, где он утверждает и оправдывает все отношения и всю деятельность человека; для других же он - фикция. Это же справедливо и для христианства. Рождество, Страсти, Смерть и Воскресение Иисуса Христа содержат для христиан "священную историю" и, следовательно, историю истинную, обладающую тем же онтологическим статусом, что и мифы в традиционном обществе.

- Сколько романов Вы написали?

- Больше десяти, мне кажется.

- Как же совместить в Вас автора румынского бестселлера и американского ~~исследователя~~ профессора, художника и исследователя?

- Дело в том, что научное воображение не так далеко отстоит от воображения художественного. Мои научные книги почти всегда выражают реальные мечты человечества. Эти две тенденции довольно успешно уживаются во мне.